

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

КОГДА ЛЮБОВЬ
СОПЕРНИЦА У СМЕРТИ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

Когда любовь соперница у смерти / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-100310-4

Много чего видывал за время своей службы в уголовном розыске капитан Петрович. Но чтоб такой «латиноамериканский» накал страстей... В квартире обнаружены трупы молодых мужа и жены — ночью их зарубили топором. А на соседнем этаже, оказывается, этой же ночью развлекалась со своим любовником сестра жены, которая уже давно была равнодушна к ее мужу... А любовник, оказывается, был страстно влюблен в убитую... Вот и разберись тут — кто, кого и за что! И Петрович встает на след. Распутать это дело он обязан во что бы то ни стало. И не только потому, что это — его профессиональный долг и вопрос чести. Капитану очень приглянулась сестра убитой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100310-4

© Колычев В.Г., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Часть первая

ГЛАВА 1

Золотистый цветочный венок в центре ковра впитал в себя пролившуюся кровь — намок, потемнел, потяжелел. Руки лежащей на полу женщины вцепились в ковер так, будто собирались выдрать из него этот страшный венок и водрузить на голову...

Покойница лежала на боку. Тело у нее было молодое и стройное, облаченное в эротичную ночную сорочку в виде крупной вязаной сетки, ноги согнуты в коленях... Обладательница столь замечательной фигуры должна была быть красивой женщиной. Но утверждать этого я не мог, поскольку не видел ее лица: оно было закрыто густыми, слипшимися от крови волосами.

Голова у женщины была проломлена в нескольких местах — отсюда и кровь, отсюда и смерть... Ноги ее согнуты были так, как будто она падала с колен. Какой-то изувер вытащил ее в центр комнаты, поставил на колени, занес над ней топор или как минимум молоток...

Но это было еще не все. В спальне на кровати лежал полуобнаженный мужчина средних лет. И здесь такая же картина — множественные удары в свод черепа...

Было раннее утро, я уже засыпал на диванчике в своем кабинете с надеждой, что ночь не принесет сюрпризов. Но, увы, поступил вызов, и я во главе дежурного наряда выехал на место.

Кто-то из прохожих увидел мужчину, выпрыгнувшего из окна двухэтажного дома, и позвонил в милицию. Засыпая в оперативной машине, я мечтал о том, что тревога окажется ложной.

Окно в квартиру было распахнуто настежь, занавеска сорвана, в комнате горел свет. За долгие годы дом порядком просел под собственным весом, и мне ничего не стоило двумя руками дотянуться до подоконника и, опершись ногой на выступ фундамента, заглянуть внутрь. Вид трупа лишил меня последних иллюзий.

Я не стал лезть в квартиру через окно: побоялся уничтожить следы. А их здесь было предостаточно. Чего стоили только бурые пятна на подоконнике...

Чтобы попасть в квартиру, пришлось взламывать дверь, и это, надо сказать, было самым приятным занятием из тех, что меня здесь ждали.

Дом был старый, убогий, с гигантскими трещинами по всему фасаду, но квартира, в которую я попал, заметно выделялась на общем фоне. Хороший ремонт, новая мебель, ковры на полах, плазменная панель на стене. И только трупы в комнатах портили общее впечатление...

Судя по всему, преступник проник в квартиру, так же как и покинул ее — через окно. В принципе, логичный ход, если нет ключей от двери. Но не очень понятно, почему обратный путь проходил через окно, ведь ключи торчали в замке с внутренней стороны двери. Открыл ее и ушел, не привлекая внимания. А так его заметили с улицы, подняли тревогу...

Действовал преступник неаккуратно. Я обследовал подоконник, пол под ним и обнаружил четко выраженные контуры следов обуви примерно сорок пятого размера. Направленная внутрь квартиры «подошва» состояла из частиц почвы и пыли, а обратно преступник уносил на своей обуви пролитую кровь.

С этими следами будут работать эксперты. А вот для дактилоскопической экспертизы материала могло не найтись вовсе. На чисто вымытом стекле я заметил отпечатки всех пяти пальцев окровавленной руки, увы, защищенной перчаткой с резиновыми проклейками на внутренней стороне ладони.

Я мысленно выстроил видеоряд, как преступник пробирается в квартиру. Предутренняя тьма, сдавленная тишина спящей двухэтажки. Дом напротив погружен в сон, во дворе пустынно, собак никто не выгуливает, и некому видеть, как подозрительный человек через клумбу крадется к окну, как открывает его... Экспертиза выяснит, каким образом он раскурочил раму, но уже ясно, что преступник проник в квартиру, не потревожив спящего хозяина. Возможно, хозяйка вышла ему навстре-

чу, а он сбил ее с ног, поставил на колени и пустил в ход орудие убийства. Может, молотком ее ударил, может, обухом топора... Он держал ее за волосы, а когда она замертво упала на пол, отпустил их, и они накрыли мертвое лицо.

Возможно, преступник зарубил ее в постели вместе с женщиной, с которым она спала. Сначала ее, потом его или наоборот. Мертвого хозяина он оставил в постели, а женщину отволоч в зал...

Но вторая версия отпала после того, как я осмотрел пол. Не было на нем кровавых следов, тянувшихся от кровати к месту, где сейчас находилась женщина. Но, возможно, преступник вытаскивал ее за волосы еще живую, чтобы затем забить до смерти. Может быть, на этом пути криминалисты найдут волосы, за которые преступник мог тащить на плаху свою жертву. Эксперт дядя Ваня — человек внимательный и дотошный, розыск иголок в стог сена для него — удовольствие. Но его здесь нет: оперативно-следственная группа только-только собирается выезжать. В квартире я один. И два трупа. Звенящая тишина, которую иначе, как мертвой, и не назовешь. Жутковатое, признаюсь вам, ощущение.

В гостиной на полочке стенного шкафа я заметил стоящий в рамке портрет новобрачных. Она — белокурая красавица с жемчужной диадемой в пышной свадебной прическе, он — внешне ничем не примечательный парень в темно-сером костюме. Платье у невесты с узким корсетным лифом, грудь полностью закрыта, но плечи целиком обнажены. А плечи красивые: нежная, чуть смуглая кожа, изящные ключицы...

Невеста нежно улыбалась, мило прижавшись щекой к подбородку жениха. Они стояли лицом к лицу, причем он выступал чуточку вперед, будто желал стать для нее каменной стеной от всех жизненных невзгод... Если этот парень сейчас лежал в спальне с разбитой головой, то можно сказать, что со своей задачей он, увы, не справился.

Я осматривал труп, когда лампочки в подвесном потолке замигали, а потом и вовсе погасли. За окном брезжил рассвет, но все равно комната погрузилась во мглу... Я вдруг вспомнил, как одно время в детстве меня преследовал один и тот же сон. Зимний вечер, я возвращаюсь с улицы, в доме темно, родителей еще нет. Я зажигаю свет в сенях, прохожу в горницу, шелкаю выключателем, но лампочка не загорается. Вместе с тем гаснет свет в прихожей. И ужас наваливается на меня, сдавливает со всех сторон, липкими холодными щупальцами вползает в душу...

Почти три десятка лет прошло с тех пор, и только сейчас я вспомнил свои детские страхи. Вроде бы и не робкого я десятка, но, признаться, стало не по себе.

У меня был фонарик. И я мог бы остаться в темной квартире до приезда оперативно-следственной группы. Хотя бы для того, чтобы не разочароваться в себе из-за этих глупых страхов. Подумаешь, трупы. И в том, что свет выключился, ничего удивительного нет: ветер на улице, провода на столбах изношенные... Но все же страх потянул меня к двери. А оправдание собственной слабости я нашел очень быстро. Место происшествия осмотрено, общая картина преступления составлена, и теперь я

мог с легким сердцем выйти во двор и там уже дожидаться приезда оперативно-следственной группы, которая займется более детальной работой.

Дверь, открываясь, заскрипела, и под этот звук из темноты лестничной площадки на меня выпало нечто. Душа подпрыгнула в груди, как брошенный в корзину баскетбольный мяч, и едва не свалилась в пятки.

— По сторонам нужно смотреть! — недовольно прозвучал высокий, приятный для слуха женский голос.

— А зачем так тихо ходить? — грудным своим баритоном выдал я.

— Ой, мамочки! — испуганно воскликнула женщина.

И отскочив от меня, как шарик для пинг-понга, бросилась к выходу из подъезда. Признаться, мне пришлось поднапрячься, чтобы сдвинуть с места потяжелевшие от волнения ноги.

Я нагнал ее во дворе, схватил за руку.

— Пусти!

Она истерично вырывалась, но я держал ее крепко.

— Милиция, уголовный розыск, капитан Петрович.

— Милиция?!

Женщина вздрогнула, в сильнейшем внутреннем напряжении вытянулась в струнку. И посмотрела на меня обезумевшими от страха глазами.

— Что-то с Ириной?

— С Ириной?!

Я потрясенно смотрел на нее, как две капли похожую на невесту с фотографии. Светлые густые

волосы, гладко зачесанные за нежные маленькие ушки; высокий открытый лоб, как бы качающийся на возмущенной волне плотных, но истонченных бровей. Широкое лицо, высокие прямые скулы, большие выразительные глаза, волнующие очертания красивого носа, филигранный контур широких и сочных губ... Внешние достоинства этой девушки можно было перечислять до бесконечности, но в целом все сводилось к тому, что я не мог остаться к ней равнодушным.

На левой щеке ближе к уху я заметил тонкую, но глубокую и длинную полоску застарелого шрама. Впрочем, этот изъян ничуть ее не портил, во всяком случае, так мне казалось.

— А я думал, что вас убили, — с инфантильной какой-то улыбкой сказал я.

И с досадой подумал, что у этого бриллианта есть хозяин. Замужем она, если судить по фотографии...

— Меня?! Убили?! Вы в своем уме? — звонко возмутилась девушка.

— Ну, там свадебный портрет, вы на нем и ваш муж...

— Какой портрет?!

— Так, спокойно! — Я вытянул вперед руку, будто ладонью отталкивал от себя оторопь. — Как вас зовут?

— Арина... Э-э, Арина Михайловна, — с поправкой на официальность повторила девушка.

— А в квартире кто? — повел я подбородком в сторону дома.

— Ирина. Сестра моя.

— Она — Ирина, а вы — Арина...

Ирина и Арина. Созвучие имен. Что из этого следовало?.. Я вспомнил своих соседей по дому, родителей двух близнецов. Мальчиков одевали в одинаковую одежду, а их имена мало чем отличались одно от другого — Игорь и Егор. Некогда было сейчас рассуждать, насколько глупо поступали родители, с рождения подавляя в детях ощущение собственной индивидуальности, и тем более делиться своими соображениями с Ариной.

— Вы сестры-близнецы? — рискнул предположить я.

— Да, а что? — взволнованно спросила девушка.

В ожидании ответа она затаила дыхание и, сжав на груди кулачки, на цыпочках потянулась ко мне.

— Ну, как бы вам это сказать...

Я не хотел огорчать Арину, но тянул с ответом не только по этой причине. Как мужчина, я видел сейчас перед собой красивую женщину, а как оперативник, имел смелость подозревать ее в причастности к убийству. Почему Арина наскочила на меня в темноте, спускаясь с верхнего этажа? Что делала она там в столь ранний час?..

— Что с Ириной? Ее убили? — заламывая руки, спросила девушка.

Тревога и страх в ее глазах казались мне искренними, но я знал женщин, чуть ли в не совершенстве владеющих искусством перевоплощения.

— А это должно было случиться?

— Должно было? А что, случилось? — Она в предобморочном состоянии вцепилась мне в руку.

— Арина, скажите мне, вы живете вместе со своей сестрой?

— Нет... Я живу с родителями... А Ирина здесь живет, с мужем...

— А родители где живут?

— На Ярославской улице...

— Далековато будет. Если вы, Арина, живете на Ярославской улице, то что вы делаете сейчас здесь, на улице Волгоградской?

— Э-э, к сестре пришла... — замялась девушка.

— Так рано?

— Ну, ей скоро на работу, а мне спросить ее нужно...

— Значит, вы прилетели к ней на вертолете?

— Почему на вертолете?

— Потому что вы приземлились на крыше дома, а потом через чердак спустились на первый этаж... В принципе, можно было воспользоваться парашютом...

— Какой вертолет? Какой парашют? Что вы несете? — взвилась девушка. — Что с Ириной? Мне нужно к ней, черт возьми!

Электричество уже вернулось в дом, и я видел свет в окне потерпевших. Это был желтый свет, Арине же я дал зеленый: не стал препятствовать ей. Быстрой и нервной походкой она пошла к сестре, а я, спохватившись, устремился за ней, чтобы удержать, не дать ей пройти в гостиную, где лежал труп.

Увидев тело сестры, Арина пронзительно вскрикнула и упала в обморок. Если бы не я, она бы растянулась на полу.

Вряд ли пятьдесят килограммов живого веса

можно было назвать приятной тяжестью. Примерно столько весила девушка, но я с удовольствием взял ее на руки. Вынес во двор, посадил на скамейку, а свежий воздух быстро привел ее в чувство.

— Где я? — открыв глаза, истошно спросила она.

— Здесь вы, Арина, со мной.

— А Ирина где?.. Мне же показалось, да, что это она там лежит!

Я внимательно наблюдал за поведением и мимикой девушки, но не находил признаков лицедейства. Она не играла, она действительно переживала кошмар наяву.

— Не знаю.

— Что вы не знаете? — Она недоуменно посмотрела на меня.

— Может, это вовсе не ваша сестра. Лица-то не видно...

Арина и сама знала, что произошло с хозяйкой квартиры, но все равно страшное значение моих слов снова вызвало у нее обморочный приступ. И мне пришлось обнять девушку, чтобы она не свалилась со скамейки. Мне приятно было ощущать тепло и нежность ее тела, но я бы назвал это удовольствие сомнительным. Обстановка не та. Вот если бы она лишалась чувств от их переизбытка к моей скромной персоне, тогда бы я мог порадоваться. А так приходилось скорбеть и сопереживать.

Обморок длился недолго. Арина открыла глаза, и я увидел в них боль и горечь утраты. Она ясно осознавала, что произошло.

— Может, все-таки в квартире не ваша сестра? — спросил я.

— Это Ирина... Точно она... У нее же моя фигура. Как я могу себя не узнать?

— Логично, — вынужден был согласиться я.

— Как же так! — сжав ладонями виски, качнулась на скамейке Арина. — Топором, по голове?

— Почему топором? — мгновенно среагировал я. — Откуда вы знаете, что топором?

— Я знаю?! — встrepенулась девушка. — Я не знаю!

— Но вы же сказали, что топором! — наседал я.

— Я сказала?! Ну, а разве не топором?

— Не знаю.

— И я не знаю... Ну, а чем еще, если не топором?.. Вы меня подозреваете? — ужаснулась Арина.

— Ну, как я могу вас подозревать? — сплутовал я. — У вас такие нежные и тонкие руки...

Для убедительности я провел пальцами по рукаву ее белоснежной ангорской кофты.

— Не надо! — рефлекторно, как мне показалось, отдернула она руку.

А может, она решила, что я собираюсь надеть на нее наручники?

— Я не знаю, чем ей разбили голову, — жалобным голосом проговорила девушка.

— И все-таки, Арина, что вы делаете здесь в такой ранний час? — неубежденный, покачал головой я.

— Говорю же, к сестре пришла...

— Со второго этажа?

— Ну, сначала поднялась на второй этаж...